

*Посвящается
Пэт и Чарльзу Гарднер*

Сочельник

Был сочельник, половина десятого вечера. Насладившись предпраздничной трапезой в атмосфере радости и веселья, я покинул столовую и направился через просторную прихожую дома поместья Монкс в гостиную, где у камина уже собралось все мое семейство. Внезапно я остановился и по старой привычке проследовал к парадной двери, распахнул ее и вышел.

Я всегда любил дышать вечерним воздухом: в разгар лета наполненным сладким цветочным благоуханием, осенью — едким от запаха костров и прелой листвы, зимой — морозным и колючим. Мне нравится, подняв голову, смотреть в небо, непроглядно-черное или освещенное луной и усеянное звездами, или заглядывать в темноту, окружающую меня со всех сторон. Я люблю слушать крики

ночных животных, стон ветра, который то вдруг налетит, то внезапно стихнет, и стук дождя в ветвях фруктовых деревьев. Блаженно я подставляю лицо бодрящему воздуху, который приносит с пастбищ у реки и устремляется дальше — к вершине холма.

Вот и сегодня стоило мне лишь раз вдохнуть вечерний воздух, как на сердце у меня отлегло — я понял, что погода изменилась. Всю предшествующую неделю шел холодный проливной дождь, а дом наш и его окрестности окутал туман. Из окна не было видно ничего, кроме деревьев, росших неподалеку. Погода стояла наисквернейшая — сырость и мрак. Прогулки не приносили никакого удовольствия. Для охоты оказалась слишком плохая видимость, а собаки бегали перепачканные грязью и угрюмые. Весь день в доме горел свет, стены в кладовой, в подвале и во флигеле стали сырыми, осклизлыми и издавали кислый запах. Огонь в камине шипел, дымил и едва горел.

Вот уже многие годы погода оказывала огромное влияние на мое душевное

состояние, и, должен признаться, если бы не всеобщая суматоха, если бы не атмосфера веселья, царившая во всем доме, я окончательно погрузился бы в уныние и состояние апатии, не смог бы наслаждаться жизнью, как мне того хотелось, и злился бы на свою чрезмерную восприимчивость. Но Эми неприветливая погода лишь придала бодрости и сил, и наши приготовления к празднованию Рождества в этом году велись с особым рвением и размахом.

Я сделал пару шагов и вышел из тени дома, чтобы осмотреться по сторонам в свете луны. Особняк Монкс стоял на пологом холме, который поднимался на высоту четырехста футов над извилистой речушкой Ни, протекавшей с севера на юг в щедрой и плодородной части нашей страны. Внизу под нами лежали пастбища, чередовавшиеся с небольшими широколиственными лесами. Позади дома открывался совсем другой пейзаж, простиравшийся вдаль на несколько миль: колючий кустарник и поросшая вереском пустошь, дикий уголок посреди возделанных и ухоженных земель. Всего

в двух милях от нас находилась крупная деревня, а от большого торгового города нас отделяли семь миль, и все же нас окружала атмосфера уединения и отчужденности, и мы чувствовали себя отрезанными от цивилизации.

Впервые я увидел поместье Монкс однажды в разгар лета, когда мы вместе с мистером Бентли в двуколке проезжали мимо. Мистер Бентли в прошлом был моим патроном, но в последнее время я продвинулся по службе и стал полноправным партнером в адвокатской конторе, куда изначально поступил на должность младшего клерка и где прослужил всю свою жизнь. К тому времени мистер Бентли уже достиг возраста, когда возникает желание уйти на покой, поэтому потихоньку стал выпускать бразды правления из своих рук и передавать их мне. Однако не реже чем раз в неделю он продолжал посещать нашу контору в Лондоне и сохранил эту традицию, пока не скончался на восемьдесят втором году жизни. Деревенская жизнь сильно привлекала его. Он не питал страсти к охоте или рыбалке и поэтому полностью

посвятил себя роли деревенского мирового судьи, церковного старосты, а также главы всевозможных приходских и административных советов, организаций и комитетов. Я испытал чувство облегчения и радости, когда он наконец взял меня в свои полноправные партнеры после стольких лет службы. И хотя я считал, что честно заработал это место своим усердием и обладал достаточной мерой ответственности, чтобы вместе с ним управлять делами фирмы, эта должность все равно казалась мне чрезмерно высокой наградой.

И вот так случилось, что тем воскресным днем я сидел рядом с мистером Бентли, наслаждаясь видом утопавших в зелени и овейных дремотой полей, которые простирались за пышными кустами боярышника, а лошадь легкой рысью везла нас к его огромному и нелепому дому. Я не привык просто сидеть и ничего не делать. В Лондоне почти вся моя жизнь была сконцентрирована на работе, не считая редких свободных минут, которые я проводил у себя в кабинете со своей коллекцией акварелей.

Тогда мне было тридцать пять, последние двенадцать лет я жил вдовцом и не особенно любил светскую жизнь. Несмотря на то что я казался достаточно здоровым человеком, я был склонен к нервным расстройствам и недугам, возникшим вследствие переживаний, о которых мне еще предстоит рассказать. По правде говоря, стареть я начал раньше времени и выглядел угрюмым, бледным мужчиной с сосредоточенным лицом — что и говорить, я производил весьма скучное впечатление.

Когда я отметил прелесть и спокойствие дня, мистер Бентли посмотрел в мою сторону и сказал:

— Почему бы вам самому не подумать о том, чтобы обосноваться в этих местах? Купите себе маленький домик... может, где-нибудь там? — И он указал хлыстом в сторону маленькой деревушки, уютно расположившейся в излучине протекавшей под нами реки, белые стены домов которой согревало полуденное солнце. — По вечерам в пятницу будете выбираться сюда из города, гулять, дышать свежим воздухом, питаться свежими сливками и яйцами.

Его предложение казалось заманчивым, но не настолько, чтобы увлечь меня, поэтому я лишь улыбнулся, вдохнул теплый запах травы и полевых цветов, посмотрел на пыль, поднимающуюся над дорогой из-под копыт лошади, и больше уже не думал об этом. Однако все изменилось в тот момент, когда дорога привела нас к длинному, на удивление пропорциональному каменному дому. Он стоял на возвышении, откуда видны были панорама речной долины и поля за ней, простиравшиеся до фиолетово-синих очертаний холмов на горизонте.

В этот момент меня внезапно охватило... даже не могу передать это словами... чувство, желание... нет, скорее, это была твердая уверенность, вдруг возникшая у меня в душе, настолько ясная и пугающая, что я невольно крикнул мистеру Бентли придержать лошадь. Не успела двуколка остановиться, как я выскочил из нее на дорогу и забрался на поросший травой холмик. Сначала я поднял глаза и взглянул на дом — великолепный и прекрасно расположенный, весьма скромный по внешнему виду, но вмес-

те с тем казавшийся незыблемой твердой, словно крепость, а затем посмотрел на раскинувшуюся внизу долину. Нет, у меня не было ощущения, будто я уже когда-то бывал здесь, но появилась абсолютная уверенность в возникновении невидимой связи.

Сбоку от дома ручей стремительным потоком сбегал вниз к лугу, а оттуда продолжал свое странствие к реке.

Мистер Бентли теперь с любопытством взирал на меня из своей двуколки.

— Отличное место! — крикнул он.

Я кивнул, но не смог выразить словами охватившие меня ощущения, поэтому отвернулся от него и стал взбираться вверх по холму, чтобы увидеть ворота, ведущие в огромный фруктовый сад, раскинувшийся позади дома, заросший высокой травой и постепенно превращающийся в непроходимые дебри. За садом я смог рассмотреть невозделанные равнинные земли. Чувство убежденности, которое я описал прежде, все еще не покидало меня, и помню, это даже встревожило, поскольку я не был человеком впечатлительным, не отличался буйной

фантазией и уж точно не обладал даром провидения. На самом деле, после пережитых в молодости событий я старательно запрещал себе думать о любых потусторонних явлениях и полностью погрузился в прозаичный мир зримого и осязаемого.

И все же я никак не мог избавиться от веры... нет, скорее, даже убежденности, что однажды этот особняк станет моим домом. Рано или поздно, хотя не имел ни малейшего представления, когда именно это случится, я буду его владельцем. После того как я сформулировал эту мысль и воспринял ее, я испытал глубокое чувство умиротворения и удовлетворенности, которое не возникало у меня уже многие годы. С легким сердцем я вернулся к двуколке, где мистер Бентли ожидал меня, поглядывая в мою сторону с нескрываемым любопытством.

Сильное потрясение, которое я испытал около поместья Монкс, еще долго не отпускало меня, даже после того, как я вернулся из деревни в Лондон, хотя в ту пору я уже реже думал об этом. Я по-

просил мистера Бентли непременно сообщить мне, если ему станет известно, что дом выставили на продажу.

Несколько лет спустя именно так он и поступил. В тот же день я связался с агентом в считанные часы и, не удосужившись даже съездить и еще раз взглянуть на дом, предложил свою цену; мое предложение было принято. Несколькими месяцами ранее я встретил Эсми Эйтли. Наши чувства друг к другу неуклонно росли, но моя проклятая нерешительность в отношении всего, что касалось сферы эмоций и личных отношений, мешала мне строить планы на будущее. Однако у меня хватило ума воспринять известие о продаже поместья Монкс как хорошее предзнаменование, и через месяц после того, как я стал владельцем дома, мы с Эсми совершили поездку за город. Там я попросил у нее руку и сердце посреди старого фруктового сада. Это предложение также было принято, вскоре мы поженились и переехали жить в поместье Монкс. В тот день я искренне поверил, будто наконец выбрался из мрачной тени прошлого, а по выражению

лица мистера Бентли и теплому рукопожатию, которым он меня наградил, я понял, что и он в это поверил и тяжкий груз упал с его плеч. Он винил себя во всем, по крайней мере в случившемся со мной, — ведь именно он послал меня в Кризин-Гиффорд, в особняк Ил Марш, на похороны миссис Драбл.

Однако мои мысли были невероятно далеки от всего этого в тот сочельник, когда я стоял в дверях моего дома и вдыхал ночной воздух. Прошло четырнадцать лет с тех пор, как поместье Монкс стало для меня самым счастливым местом на свете, настоящим домом для нас с Эми и ее четверых детей от первого брака с капитаном Эйнли. Сначала я приезжал сюда лишь на выходные и на праздники, но после покупки дома жизнь в Лондоне и работа стали все больше утомлять меня, и при первой же возможности я с удовольствием перебрался жить за город.

А теперь моя семья снова собралась в нашем любимом доме, чтобы вместе отпраздновать Рождество. Через минуту я открою дверь и услышу их голоса, до-

носящиеся из гостиной, если только моя супруга не позовет меня раньше и не начнет отчитывать за то, что я могу простудиться. И в самом деле, погода наконец-то выдалась на удивление ясной и холодной. Все небо оказалось усыпано звездами, а полную луну окружал морозный ореол. Сырость и туман, мучившие нас на прошлой неделе, растворились, как воры в ночи, тропинки и стены дома слабо поблескивали, а дыхание превращалось в пар. Наверху, в спальне под крышей, трое сыновей Изобель, внуки Эсми, спали, привязав к столбикам своих кроватей носки. И пускай, проснувшись, они не увидят за окном снега, но по крайней мере рождественское утро будет ясным и радостным.

Той ночью в воздухе было что-то особенное, что воскрешало мои детские ощущения и, несмотря на мой преклонный возраст, наполняло грудь волнением. Вероятно, я заразился этим настроением от маленьких мальчиков. Я и представить себе не мог, что мои мысли будут настолько взбудоражены и воспоминация, которые я считал давно умершими, воскреснут вновь. Мне казалось неверо-

ятым вновь очутиться во власти смертельного ужаса и душевного смятения, пускай даже причиной этому будут всего лишь яркие воспоминания и ночные кошмары.

Последний раз взглянув в морозный сумрак, я с удовлетворением вздохнул, позвал собаку и вошел в дом. Я думал лишь о трубке и стакане хорошего солодового виски, которыми смогу насладиться у потрескивающего камина в окружении моей семьи. Когда я пересек коридор и вошел в гостиную, мною тут же овладело ощущение благоденствия, не покидавшее меня все время, что я жил в поместье Монкс, чувство, которому вполне закономерно сопутствовало другое — сердечная благодарность. Я воздал хвалу Господу, когда увидел мою семью, уютно расположившуюся вокруг пылающего камина, где Оливер разжег необычайно яркое и опасно высокое пламя, положив в очаг большую ветку старой яблони, которую мы срубили в нашем саду еще осенью. Оливер был самым старшим из сыновей Эсми и всегда отличался удивительным сходством и со своей сестрой Изобель (сидев-

шей рядом со своим мужем — борода-тым Обри Пирсом), и с младшим братом Уиллом. У всех троих были приятные округлые и простые английские лица и светло-каштановые брови, ресницы и волосы — точно такие же, как у их матери, пока ее волосы не тронула седина.

В то время Изобель едва исполнилось двадцать четыре года, но она уже стала матерью троих сыновей и хотела еще иметь детей. В ней чувствовались какая-то особенная мягкость и спокойствие, присущие замужней женщине, она была привязана к матери и заботилась о своем муже и братьях как о собственных детях. Трудно, казалось, найти женщину более ответственную и благо-разумную, нежную и любящую. В спокойном и уравновешенном Обри Пирсе она нашла идеального спутника жизни. И все же временами я замечал, что Эми поглядывает на нее с тоской, она не раз делилась со мной, пусть и в очень дели-катной манере, как ей хотелось бы, что-бы Изобель была не такой степенной, а чуть более веселой или даже легкомы-сленной.